

КРОВАВОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ. КАК ЭТО БЫЛО?

Многим из нас, наверное, довелось посмотреть фильм, снятый Сергеем Эйзенштейном к десятилетию большевистского переворота. Если уж не весь фильм, то эпизод, в котором "революционные матросы" взбираются по решетке ворот Зимнего дворца, помнят почти все. Эти кадры, чуть ли не как документальные, очень любят цитировать многие телевизионные, с позволения сказать, публицисты в своих передачах о "Великом Октябре". Что ж, такая именно задача и ставилась режиссером – создать миф о "штурме", какая же "революция" без "штурма". И качество изображения, обусловленное тогдашним уровнем киносъемочного оборудования, действительно позволяет создать иллюзию, что вы смотрите не немой художественный фильм, а реальный кинорепортаж с места событий. Но всё же несмотря на весь этот "киноподлог", есть кое-что в нем правдивое, развенчивающее другой более поздний миф. Миф о "холостом" выстреле "Авроры". События и их непосредственные материальные последствия, судя по всему, были ещё свежи в памяти очевидцев. Поэтому не было необходимости скрывать, что после выстрела носового шестидюймового орудия в одном из этажей Зимнего разорвался самый настоящий снаряд. А как же "холостой выстрел"? После холостых выстрелов взрывов, как известно, не бывает. Этот маленький факт опровергнул легенду о том, что крейсер "Аврора" лишь подал сигнал к штурму дворца. Те же, кто удосужился поподробнее узнать о том, как всё было на самом деле, могли выяснить, что "Аврора" стреляла боевыми, причем не один раз, а трижды. Один снаряд разорвался на Сенной площади (ничего себе перелёт!), один упал в Неву, и лишь третьим снарядом революционные комендоры, за отсутствием офицеров, попали в "цель". Но помимо "Авроры" Зимний, в котором, кстати, помимо Временного правительства находился солдатский лазарет, обстреливали две батареи, располагавшиеся на пляже Петропавловской крепости. Так что ни о каком сохранении произведений искусства Эрмитажа, "народного достояния" по-большевистски, революционеры и не думали. Этот пример побуждает нас с большой осторожностью относиться ко всем "историческим фактам", излагаемым коммунистическими и пост-коммунистическими фальсификаторами. В полной мере это относится и к так называемому "кровавому воскресенью", событиям 9 января 1905 года в Петербурге.

Действительно, что мы знаем о них с подачи коммуно-либеральных "историков": "Сотни тысяч рабочих столицы, доведенные до отчаяния бесправием и нищетой, возмущенные сдачей Порт-Артура, зимним воскресным днем с женами и детьми, с иконами, хоругвями и царскими портретами, с пением молитв и гимна "Боже, Царя храни", мирно, с выражением верноподданнических чувств, пришли на Дворцовую площадь, чтобы рассказать Императору Николаю II о своих нуждах, в надежде, что Царь-Батюшка защитит их от произвола заводчиков и фабрикантов. Царь же приказал их расстрелять, пролив потоки невинной крови. Было убито и ранено более 4600 человек. "Как Царь с нами, так и мы с Царем и т.д.". Вот, пожалуй, и всё.

Но есть одно обстоятельство. Ни одна из колонн манифестантов до Дворцовой не дошла. Колонны не пересекли даже Невы (те, кто двигался с Васильевского острова, Петроградской и Выборгской стороны) и Фонтанки (те, кто двигался со стороны Нарвской заставы и Шлиссельбургского тракта). Самая многочисленная из них, шедшая под руководством Гапона от Путиловского завода была рассеяна у Обводного канала. Для рассеяния колонн оружие применялось также у Шлиссельбургской пожарной части и у Троицкого моста. На Васильевском острове шел настоящий бой с революционерами, закрепившимися на баррикадах (это уже не "колонны мирного шествия"). Больше нигде по толпе не стреляли. Это исторический, подтвержденный полицейскими сводками факт. Небольшие группы хулиганствующих "революционеров" действительно проникли в центр города. На Морской улице ими нанесены побои генерал-майору Эльриху, на Гороховой улице нанесены побои одному капитану и был задержан фельдьегер, причем его автомобиль был изломан. Проезжавшего на извозчике юнкера Николаевского кавалерийского училища стащили с саней, переломили шашку, которой он защищался, и нанесли ему побои и раны. Но эти "борцы за свободу" разбежались от одного вида появившихся вдалеке казачьих разъездов. В общем,

никого на *Дворцовой площади* не расстреливали. Маленькая ложь (**первая**), вызывающая, как говорится, большое недоверие. Недоверие же, в свою очередь, порождает стремление поближе ознакомиться с реальными событиями.

Что же послужило источником лжи? Утренние петербургские газеты от 10 января. Но первоисточником, на который опирались столичные журналисты, была листовка, распространявшаяся в Петербурге уже с 5 часов дня 9 января. Именно в ней сообщилось о "тысячах рабочих, расстрелянных на Дворцовой площади". Но, позвольте, как же её можно было успеть к этому времени написать, растиражировать, тем более что в воскресенье типографии не работали, разослать по районам и раздать распространителям. Очевидно, что эта провокационная листовка была изготовлена заранее, не позднее 8 января, т.е. когда ни место расстрела, ни количество жертв не было известно авторам. Здесь надо отметить, что *количество погибших, включая полицейских чинов, 9 января в действительности было 96 человек, а раненых – 311*. Отнюдь не тысячи. Это – ложь **вторая**. И, хотя и одна человеческая жизнь бесценна, ложь от этого правдой не становится. Иными словами, запланированное было выдано за реально происшедшее. Кем же всё это было запланировано? Когда запланировано и как? Естественно, теми, кто писал листовку и организовал "мирное шествие", т.е. революционерами. Революции же стихийно не происходят, их тщательно готовят, изыскивают средства, приобретают оружие и т.д.

Поэтому мы должны обратить свое внимание не только на сами события 9 января 1905 года, но и, прежде всего, на предшествовавшие им.

27 января 1904 года, как известно, Япония¹ без объявления войны вероломно напала на Россию. Боевая численность войск японских войск, отлично оснащенных и организованных по германскому образцу, в начале войны составляла 140 тыс. штыков и сабель при 684 орудиях. К концу третьего месяца боевых действий эта численность могла быть доведена до 200 тыс. штыков и сабель при 720 орудиях. Россия же сразу после начала войны могла противопоставить в соответствующем регионе не более 25 тысяч человек, не считая гарнизонов крепостей, а через 2-3 месяца – 70 тыс. штыков и сабель при 160 орудиях для полевых действий и около 30 тысяч штыков гарнизона крепости Порт-Артур, строительство которой не было ещё закончено. Несмотря на такое преимущество, быстрой победы японским генералам достичь не удалось. Попытка захватить Порт-Артур одним ударом сразу же провалилась. Потери японцев при первом штурме составили 15 тысяч человек против 6 тысяч русских. 157 дней героические защитники Порт-Артура, наследники Нахимова и Тотлебена, отражали атаки противника, направившего против них 200 тыс. солдат и офицеров. Три штурма были отбиты с нанесением врагу урона в 110 тыс. человек, тогда как русские потеряли 27 тысяч. И, несмотря на то, что крепость русской славы пала под натиском во много раз превосходящего, упорного и умелого противника, Япония не могла рассчитывать на победу в войне одними лишь своими, ежедневно истощавшимися силами. Военная мощь России на Дальнем Востоке постоянно росла. Сибирская дорога пропускала к 1905 г. уже 14 пар поездов в день, вместо 4-х в начале войны. В Манчжурии было сосредоточено около 300 тыс. человек. Экономика и финансы страны восходящего солнца оказались подорванными. На жизни же внутренней России война практически не отразилась. Государственный банк ни на один день не останавливал обмен банковских билетов на золото. Урожай 1904 г. был обильный. Промышленность увеличивала свое производство, в том числе и в результате военных заказов, обеспечивавших, между прочим, повышение заработной платы, прежде всего в оборонной отрасли (это, кстати, опровергает **третью** ложь, о "доведенных до нищеты рабочих"). Военные расходы были покрыты отчасти свободной наличностью казначейства, отчасти займами. При этом подписка на оба внешних займа *в несколько раз* превысила сумму выпуска. Кредит России стоял высоко: она занимала деньги под 5-6 % годовых, тогда как Японии, не взирая на все её военные успехи, приходилось платить 7-8 %. Япония, пустившая в ход все свои силы, ещё была впереди (на Дальнем Востоке, т.е. в непосредственной близости от своей базы), но Россия начинала нагонять. К весне или лету 1905 г., при нормальном развитии сил обеих сторон, Россия должна была преодолеть трудности, вызванные отдаленностью театра военных действий от жизненных

центров страны. Победа России была бесспорна. Была бы, если бы в союз с внешним врагом нашей Родины не вступил бы враг внутренний.

Революционеры всех мастей, а равно и либеральничающая так называемая "общественность", были естественными помощниками японцев. "Если русские войска одержат победу над японцами, что, в конце концов, не так уже невозможно, как кажется на первый взгляд, писал некий Н. О-в в "Освобождении" (печатном органе либерального "Союза освобождения", перенесшего с началом войны, в январе 1904 года свою деятельность из Швейцарии в Петербург), - то свобода будет преспокойно задушена под крики ура и колокольный звон торжествующей Империи". Только крупномасштабная диверсия в тылу сражающейся русской армии, только внутренние волнения в России могли предотвратить такой исход войны. Это был единственный шанс для Японии и для революции.

И пути врагов России, конечно же, не преминули пересечься. Бывший военный атташе в Петербурге, перебравшийся после начала войны в Стокгольм и возглавивший японскую шпионскую сеть в Западной Европе, полковник Матоир Акаши в июле 1904 года через террористку Веру Засулич установил контакт с находящимися в эмиграции Ленинымⁱⁱ и Плехановым.

"Мы готовы, - говорил революционерам Акаши, - помогать вам материально на приобретение оружия, но самое главное, чтобы движению (революционному – А.С.) не давать остывать и вносить, таким образом, в русское общество элемент постоянного возбуждения протеста против правительства". На своих встречах с ненавистниками исторической России японский шпион настаивал на организации вооруженных повстанческих отрядов численностью до 100 тыс. боевиков.

Для покупки оружия через Акаши и его людей революционеры получили 750 тыс. иен.ⁱⁱⁱ Агенты японского резидента тоже не оставались в накладе. Так, только один из них, Георгий Деканозов, будущий любимчик Сталина, на одни только путевые расходы получил 125 тыс. франков.

Одним из главных агентов Акаши был финский революционер Конни Циллиакус. Именно через него японские деньги распределялись между революционными партиями. Среди его бумаг, обнаруженных русской разведкой был найден документ с перечислением количества оружия, переданного революционным партиям: 8 тыс. винтовок – финским националистами, 5 тыс. винтовок – грузинским националистами, тысяча эсерам, 8 тыс. – другим социалистическим партиям и ещё 500 карабин-маузеров – для раздачи между финскими националистами и эсерами. На японские же деньги под руководством Циллиакус в Великом Княжестве Финляндском были построены два подпольных завода, выпустившие тысячи бомб.

Английский журналист Диллон – определенный враг царской власти – писал в своей книге "Закат России": "Японцы раздавали деньги русским революционерам известных оттенков, и на это были затрачены значительные суммы. Я должен сказать, что это бесспорный факт".

Помимо японцев субсидировали анти-русскую революцию и американские миллионеры, передавшие на подрывную работу в России многие миллионы долларов. Особо отличился здесь некий Яков Шифф – владелец банкирского дома "Кун, Лееб и К^o" в Нью-Йорке. Общая сумма иностранных денег, направленных "на революцию" в России, составила не менее 50 млн. долларов. Огромная по тем временам сумма. Примечательно, что революционеры даже и не пытались скрывать то, что так называемая "первая русская революция" делалась на иностранные деньги. Небезызвестный руководитель боевой организации, эсер Борис Савинков писал в своих воспоминаниях (1917 г.): "Член финской партии активного сопротивления, Конни Циллиакус, сообщил центральному комитету (эсеровской партии – А.С.), что через него поступило на русскую революцию пожертвование от американских миллионеров в размере миллиона франков, причем *американцы ставят условием*, чтобы эти деньги пошли на вооружение народа и распределены между всеми революционными партиями. ЦК принял эту сумму, вычтя 100 000 франков на боевую организацию".

"Образованное общество" со своей стороны с каким-то патологическим злорадством жаждало поражения России. "Общей тайной молитвой, - писал живший во время войны в Петербурге немецкий журналист Г. Ганц, - не только либералов, но умеренных консерваторов в то время было "Боже, помоги нам быть разбитыми". Поэтому когда мы слышим из уст наследников этих предателей, что революция была вызвана оскорбленным военными поражениями патриотическим чувством, мы говорим – ложь. Это уже, **четвертая**. Именно с началом войны они взяли курс на революцию. Именно в эти тяжелые для нашей Родины дни для создания местных организаций проводится учредительный съезд пресловутого "Союза освобождения", на котором присутствовали 105 делегатов, представлявших 33 губернии, среди них 32 председателя губернских управ, 7 губернских представителей дворянства. На обсуждение съезда выносятся вопросы "об общих условиях государственной жизни и желательных в ней изменениях". За создание выборного законодательного представительства голосует 71 человек, а законосовещательного - лишь 27. Тогда же провозглашается право наций на самоопределение. Иными словами ставится задача ликвидации Самодержавия и расчленения России. Одновременно с "Союзом освобождения" создается и другая нелегальная организация – "Союз земцев-конституционалистов", - также ставившая своей целью ниспровержение существующего строя.

Не удивительно, поэтому, что эти либеральные "деятели" приняли участие в созванном в сентябре-октябре 1904 г. в Париже по инициативе того же Конни Циллиакуса и на японские деньги совещании "оппозиционных и революционных партий". Помимо либералов и социалистов на нем были широко представлены польские, латышские, финские, армянские, грузинские и еврейские националисты.

Так, под опекой Японии вступили в сговор либеральная, социалистическая и националистическая ветви антирусских сил. Парижское совещание вынесло резолюцию об "уничтожении Самодержавия" и о создании "свободного демократического строя на основе всеобщей подачи голосов". Его участники признали "полезность" для "освобождения" России её поражения в войне с Японией и призвали всячески способствовать этому. После совещания началась конкретная работа по подготовке революции.

По инициативе "Союза освобождения" как по мановению волшебной палочки в день сорокалетия судебной реформы Императора Александра Второго, 20 ноября 1904 года, "прогрессивные" болтуны по всей стране проводят "банкетную кампанию". В 34 городах состоялось 120 собраний и митингов, в которых участвовало 50 тыс. сторонников "Союза освобождения". Всем их участникам предлагается принимать одни и те же предложения по адресу правительства с пожеланием ограничить царскую власть.

Революционеры же приступили к подготовке вооруженных выступлений. Главным из них должно было стать восстание в Петербурге. Для его организации было использовано созданное 15 февраля 1904 года легальное "Собрание русских фабрично-заводских рабочих в Санкт-Петербурге". К 1905 году оно насчитывало в столице и её окрестностях 11 отделов и около 20 тыс. членов. Факт живейшего участия властей в учреждении этой рабочей организации выявляет **пятую** ложь – о бесправном положении рабочих. Именно из рук царской России получили рабочие долгожданную свободу собраний и взаимопомощи, возможность организации досуга и самообразования. При отделениях «Собрания» организовывались библиотеки и бесплатные лектории. Руководство «Собрания» успешно защищало права своих членов, отменяло незаконные штрафы и решения об увольнении. Осенью 1904 года у «Собрания» появился запасной капитал, при его отделениях были открыты потребительские лавки и чайные. Возникла мысль о широкой системе кооперации и дешевых рабочих мастерских. Был выдвинут проект специального рабочего банка. Рабочие-члены "Собрания" ответили властям полной лояльностью. Это обстоятельство и решили использовать революционные провокаторы.

Заверяя полицейских чиновников в преданности Царю, лидер "Собрания", священник церкви петербургской пересыльной тюрьмы Г.А. Гапон^{iv}, возмечтавший стать народным вождем^v, начал в сотрудничестве с революционерами исподволь вести

противоправительственную пропаганду и агитацию. Из организации начали постепенно вытесняться те монархически настроенные рабочие, которые критически относились к перспективе вовлечения их в политическую борьбу и не склонны были безраздельно доверять Гапону, вокруг которого сложилась узкая группировка, т.н. штабных: социал-демократов А. Карелина и Д. Кузина, а также беспартийных И. Васильева и Н. Варнашова. Еще в марте 1904 г. на *конспиративном* совещании они обязали Гапона принять *тайную* политическую программу "Собрания". Фактически это уже была та самая петиция, которую понесут Царю 9 января 1905 года. Если брать шире, это была программа революции 1905 года: свобода слова, печати, собраний, свобода совести, ответственность министров "перед народом", амнистия политических заключенных. Особая работа велась среди женщин. Организатором этой работы была старая социал-демократка Вера Марковна Карелина. И вообще, несмотря на утверждение о том, что гапоновское движение было представлено только рабочими, в нем участвовало большое количество социал-демократов - интеллигентов.

Таким образом, "Собрание русских фабрично-заводских рабочих", являвшееся отнюдь не единственным среди легальных рабочих организаций, призванных отстаивать только социально-экономические права рабочих без вовлечения их в политическую борьбу, превратилось под руководством Гапона в официально признанную, но ориентированную как на радикальную социально-экономическую, так и на радикальную политическую борьбу массовую рабочую организацию, которая, благодаря верноподданническому характеру своих заявлений, не только не контролировалась властями, но и могла действовать совершенно неожиданно для властей, исполняя лишь указания своего признанного вождя и стоящих за его спиной революционеров. Пользуясь, как Азеф и Малиновский, сношениями с полицией как ширмой, Гапон и окружавшие его революционеры, а главным "куратором" Гапона был эсер Пинхус Рутенберг^{vi} (партийная кличка – Мартын Мыртынович), готовили кровавую провокацию и бунт. "Только я должен ждать, - говорил Гапон, - какого-нибудь внешнего события; пусть падет Артур".

20 декабря 2004 года Порт-Артур пал. "Жалкие остатки победоносных легионов сложили оружие у ног победителя", – с нескрываемым злорадством писала легальная газета "Наши дни", мало отличаясь по тону от "Освобождения". Сигнал для революции прозвучал. Нужен был какой-нибудь повод для начала восстания.

В декабре 1904 г. представители "Собрания русских фабрично-заводских рабочих" вмешались в конфликт, имевший место на Путиловском заводе между рабочими и заводской администрацией, уволившей четверых рабочих. **27 декабря 1904 г.** на совещании представителей районных отделов "Собрания русских фабрично-заводских рабочих" под руководством Гапона и *при участии представителей революционных партий* в адрес не только администрации завода, но и градоначальства была принята провокационная резолюция, исключавшая возможность какого-либо позитивного её рассмотрения - она заканчивалась открытой угрозой городским властям: "Если эти законные требования рабочих не будут удовлетворены, - подчеркивалось в пятом пункте резолюции, - союз слагает с себя всякую ответственность в случае нарушения спокойствия в столице".

2 января 2005 г. на совещании Нарвского отдела "Собрания русских фабрично-заводских рабочих" после получения отказа дирекции Путиловского завода, фабричной инспекции и градоначальства удовлетворить требования, изложенные в резолюции, было принято решение начать с 3 января забастовку, выдвинув к дирекции экономические требования (8-часовой рабочий день – это в военное время, трехсменная работа, отмена сверхурочных, бесплатная мед.помощь), одновременно организовав 9 января шествие к Зимнему Дворцу для вручения царю рабочей "петиции".

3 января 1905 г. началась забастовка рабочих Путиловского завода (12,6 тыс. человек). **4 января** началась забастовка на Обуховском и Невском заводах. Бастуют 26 тыс. человек. Выпущена листовка Петербургского комитета РСДРП "Ко всем рабочим Путиловского завода": "Нам нужна политическая свобода, нам нужна свобода стачек, союзов и собраний...".

4 и 5 января к ним присоединились рабочие франко-русского судостроительного завода и Семянниковского завода. Сам Гапон впоследствии так объяснял начало всеобщей забастовки в Петербурге рабочими именно этих заводов. "*Мы* решили, - писал Гапон, - ...распространить стачку на франко-русский судостроительный и Семянниковский заводы, на которых насчитывалось 14 тыс. рабочих. Я избрал именно эти заводы, потому что знал, что *как раз в это время они выполняли весьма серьезные заказы для нужд войны*". 5 января 1905 г. митрополит Санкт-Петербургский Антоний дважды вызывал к себе Гапона, требуя объяснения относительно его деятельности, несомненной с саном священника. Однако Гапон не явился ни к митрополиту Антонию, ни в Санкт-Петербургскую Духовную консисторию, и в ночь на 6 января скрылся из дома, перейдя на нелегальное положение.

К **6 января** бастуют 40 тыс. человек. Во время водосвятия на Неве перед Зимним дворцом произошел следующий случай: одно из орудий батареи, производившей салют, выстрелило картечью. Неожиданно для всех упали - как на павильон, так и на фасад Зимнего Дворца - крупные картечные пули. В беседке было насчитано около 5 пуль, из коих одна упала совсем рядом с Государем. По воспоминаниям непосредственного очевидца генерала А. А. Мосолова, занимавшего должность начальника канцелярии Министерства Императорского двора никто не верил, что это случайность, все были уверены, что это покушение на Государя^{vii}, исходящее *из среды войск*. Восприняв происшедший инцидент со свойственной ему в острых ситуациях сдержанностью, Государь, после запланированного на этот день приема иностранных дипломатических представителей в Зимнем Дворце, в 16 часов того же дня уехал с семьей в Царское Село.

Революционеры знают об этом. В такой момент для священника было бы естественно отменить шествие, предотвратив тем самым пролитие крови. Но Гапон словно забывает о своем призвании примирять и прощать. Он делается как бы антиподом священника, он весь - пламенный революционер. Окрыленный своей ролью в происходящих событиях, он мечется по различным отделениям «Собрания» и призывает людей к борьбе. Это он первый говорит о стрельбе и пролитии крови: "Если солдаты будут стрелять, мы будем сопротивляться. Эсеры обещали бомбы". Он и его подельники всё равно ведут за собой народ на Дворцовую площадь. Чтобы разгорелось пламя революции, должна пролиться кровь трудящихся. В этот же день Гапон встречается с представителями "Союза освобождения" во главе с В.Хижняковым, на которой не исключил возможности, что по шествию к Зимнему дворцу "будут стрелять". 6-го же января Гапон принял участие также в совещании с представителями революционных партий "о возможности каких-либо *совместных действий*" между бастовавшими рабочими и *революционерами* во время подготовки и осуществления шествия к Зимнему Дворцу. На этом совещании вновь обсуждался текст петиции Царю, радикализировались ее требования, переносился основной смысл ее содержания с экономических нужд рабочих на политические требования к власти. "...Во всей гряде воспоминаний и документов не зафиксировано ни одного случая правки петиции ... непосредственно рабочими, - справедливо отмечает один из современных исследователей гапоновского движения, - все известные нам варианты и поправки - результат работы ряда узких совещаний... Именно там рождалась петиция как политический документ, там она вырабатывалась как общая платформа, равно приемлемая и для либеральной "общественности" и для левых партий.

К **7-му января** бастуют уже 105 тыс. человек. В последний раз вышли газеты; с этого дня забастовка, превращенная в общегородскую, распространилась и на типографии. Петербургский комитет РСДРП принимает решение направить во все отделы "Собрания русских фабрично-заводских рабочих" своих лучших агитаторов. 7 же января на совещании с меньшевиками Гапон говорит: "Если нас будут бить, мы ответим тем же, будут жертвы... *Устроим баррикады, разгромим оружейные магазины, разобьем тюрьму^{viii}, займем телефон и телеграф, - словом, устроим революцию...*"^{ix}. Тогда же Гапон и его ближайшие помощники провели совещание с представителями социал-демократической и эсеровской партий. Сам Гапон следующим образом описал свое выступление перед ними. "Решено, что завтра мы идем, - сказал я им, - но не выставляйте ваших красных флагов, чтобы не придавать нашей

демонстрации революционного характера. Если хотите, *идите впереди процессии (!)*. Когда я пойду в Зимний дворец, я возьму с собою два флага, один белый, другой красный. Если Государь примет депутацию, то я возведу об этом белым флагом, а если не примет, то красным, и тогда вы *можете выкинуть свои красные флаги и поступать, как найдете лучшим*". "В заключение я спросил, есть ли у них оружие, но социал-демократы ответили мне, что у них нет, а социал-революционеры - что у них есть несколько револьверов, из которых, как я понял, они приготовились *стрелять в войска*". Это уже фактическая договоренность о сигналах. 7 января окончательно составляется петиция, являющаяся примечательным в своем роде документом. Несмотря на содержащиеся в ней выражения верноподданнических чувств рабочих к своему Государю, она представляла собой жесткий политический ультиматум власти, предъявлявший Государю заведомо невыполнимые требования. Во-первых, петиция составлена не только от имени рабочих, но и от всех вообще "жителей города Санкт-Петербурга разных сословий". Содержание же петиции свидетельствовало о том, что требования выдвигаются не столько для удовлетворения экономических нужд рабочих, сколько - под их прикрытием - интересов либералов и революционеров - "повели *немедленно*, сейчас же призвать представителей земли русской от всех классов, от всех сословий, представителей и от рабочих... Пусть каждый будет равен и свободен в праве избрания, - и для этого повели, чтобы *выборы в Учредительное собрание происходили при условии всеобщей, тайной и равной подачи голосов. Это самая главная наша просьба*... Но одна мера все же не может залечить наших ран. Необходимы еще и другие: *немедленное освобождение и возвращение всех пострадавших за политические... убеждения; немедленное объявление свободы слова, печати, свободы собраний; ответственность министров перед народом и гарантия законности (?) правления; отделение церкви от государства*". Неужели же рабочие Петербурга собирались контролировать министров? Или им, православным русским людям, нужно было отделение церкви от государства? Вот в этом и есть **шестая** ложь - никаким верноподданническим по сути провокационное шествие не было. Безусловная неприемлемость для государственной власти содержания петиции, составленной под руководством Гапона, усугублялась правовой недопустимостью подобных действий по отношению к Царю, ибо российское законодательство не предусматривало права подачи Императору такого рода петиций кем бы то ни было, кроме представителей дворянского сословия, и "Уложение о наказаниях" предполагало привлечение к суду составителей подобных петиций. Поэтому с точки зрения юридической гапоновская петиция, даже безотносительно к способу ее подачи и содержанию, была преступлением.

Итак, в самый последний момент вместо принятых и поддерживаемых рабочими экономических требований появляется петиция, составленная якобы тоже от имени рабочих, но содержащая экстремистские требования общегосударственных реформ, созыва Учредительного собрания, политического изменения государственного строя. Все пункты, известные рабочим и реально поддерживаемые ими, переносятся в заключение. Это была в чистом виде политическая провокация революционеров, пытавшихся от имени народа в тяжелых военных условиях предъявить требования неуголному им русскому правительству.

Рабочих, которых приглашали идти к Царю за помощью, знакомили только с экономическими требованиями. Собираясь к Царю, гапоновские провокаторы даже распространяли слух, что Царь сам хочет встретиться со своим народом. Схема провокации такова: революционные агитаторы, якобы от имени Царя, ходили и передавали рабочим примерно такие "его" слова: "Я, Царь Божией милостью, бессилен справиться с чиновниками и барамы, хочу помочь народу, а дворяне не дают. Подымайтесь, православные, помогите мне, Царю, одолеть моих и ваших врагов". Об этом рассказывали многие очевидцы, например большевичка Л. Субботина. Она же передала диалог с одним студентом - революционером: "Ну, товарищ Лидия, вы вдумайтесь только, какое величие замысла, - говорит один студент, которого мы прозвали Огнедышащий, - использовать веру в Царя и Бога для революции...". Сотни революционных провокаторов ходили среди народа, приглашая людей 9 января к двум часам на Дворцовую площадь, заявляя, что их там будет ждать Царь. Рабочие готовились к

этому дню как к празднику: гладили лучшую одежду, многие собирались взять с собой детей. В общем, для большинства рабочих этот день представлялся большим крестным ходом к Царю, тем более что его обещал возглавить священник, лицо духовное, традиционно почитаемое.

К **8-му января** бастуют 111 тыс. человек^x. Петербургский комитет РСДРП выпустил прокламации "Ко всем петербургским рабочим" с призывом к свержению самодержавия и "К солдатам" с призывом не стрелять в народ. На ночном нелегальном заседании Петербургского комитета РСДРП принято решение принять участие в шествии к Зимнему дворцу.

Власти вплоть до этого дня еще не знали, что за спиной рабочих заготовлена другая петиция, с экстремистскими требованиями. А когда узнали - пришли в ужас. Отдается приказ арестовать Гапона, но уже поздно, он скрылся. А остановить огромную лавину уже невозможно - революционные провокаторы поработали на славу.

9 января на встречу с Царем готовы выйти сотни тысяч людей. Отменить ее нельзя: газеты не выходили. И вплоть до позднего вечера накануне 9 января сотни агитаторов ходили по рабочим районам, возбуждая людей, приглашая на встречу с Царем. Засыпали рабочие с мыслью о завтрашней встрече с Батюшкой-Царем. Стремясь предотвратить трагедию, власти выпустили объявление, запрещающее шествие 9 января и предупреждающее об опасности. Но из-за того, что работала только одна типография, тираж объявления был невелик.

8 января Гапон направил письмо министру внутренних дел, из которого видно, что в угоду определенных сил он обманывал как рабочих, так и самого Царя: "Ваше превосходительство! - писал Гапон. - Рабочие и жители Петербурга разных сословий желают и должны видеть Царя девятого сего января, в воскресенье в 2 часа дня на Дворцовой площади, чтобы ему выразить непосредственно свои нужды и нужды всего Русского народа.

Царю нечего бояться. Я, как представитель "Собрания русских фабрично-заводских рабочих г. СПб", мои сотрудники товарищи-рабочие, даже все так называемые революционные группы разных направлений гарантируем неприкосновенность его личности. Пусть он выйдет, как истинный Царь, с мужественным сердцем к Своему народу и примет из рук в руки нашу петицию. Это требует благо его, благо обитателей Петербурга, благо нашей родины.

Иначе может произойти конец той нравственной связи, которая до сих пор еще существовала между русским Царем и Русским народом.

Ваш долг, великий, нравственный долг перед Царем и всем Русским народом, немедленно, сегодня же, довести до сведения Его Императорского Высочества (так в источнике – А.С.) как все вышесказанное, так и приложенную здесь нашу петицию. Скажите Царю, что я, рабочие и многие тысячи Русского народа мирно, с верою в него, решили бесповоротно идти к Зимнему дворцу. Пусть же он с доверием отнесется на деле, а не в манифестах только к нам. Копия с сего как *оправдательный* документ нравственного характера снята и будет доведена до сведения всего Русского народа.

8 января 1905 г. свящ. Гапон

Очевидно, что Гапон, обманывая и Царя, и Народ, скрывал от них ту подрывную работу, которая велась его окружением за их спиной. Он обещал Царю неприкосновенность, но сам прекрасно знал, что так называемые революционеры, которых он пригласил для участия в шествии, выйдут с лозунгами "Долой Самодержавие", "Да здравствует революция", а в карманах их будут лежать бомбы и револьверы. Наконец, письмо Гапона носило недопустимо ультимативный характер - на таком языке разговаривать с Царем коренной русский человек не смел и, конечно, вряд ли одобрил бы это послание. Гапон и преступные силы, стоявшие за его спиной, готовились убить самого Царя. Позднее, уже после событий 9 января, Гапона спросили в узком кругу: "Ну, отче Георгий, теперь мы одни и бояться, что сор из избы вынесут, нечего, да и дело-то прошлое. Вы знаете, как много говорили о событии 9 января и как часто можно было слышать суждение, что прими Государь депутацию честь-честью, выслушай депутатов ласково, все обошлось бы по-хорошему. Ну, как вы полагаете, о. Георгий, что было бы, если бы Государь вышел к народу?" Совершенно неожиданно, но искренним тоном, Гапон ответил: "Убили бы в полминут, полсекунд!". Так что, когда враги власти затем писали, что Государю "стоило выйти к толпе и согласиться хотя бы на одно из её требований" (какое – об

учредительном собрании?) и тогда "вся толпа опустилась бы перед ним на колени", - это было самым грубым искажением действительности.

Вот, теперь, когда мы знаем все эти обстоятельства, можно по-другому взглянуть на события самого 9 января 1905 г. Замысел революционеров был прост: несколько колонн спровоцированных рабочих-демонстрантов, в рядах которых должны были до времени скрываться революционеры-террористы, намеревалось провести к Зимнему дворцу для передачи петиции лично Государю. Другие колонны должны были быть не допущены до Дворцовой площади, а расстреляны на подходах к центру города, что подогрело бы возмущение собравшихся у дворца. В момент, когда Государь появился бы для умиротворяющего призыва, террорист должен был совершить убийство Императора. Дальше – возбужденная кровью стихия завершила бы дело уничтожения Царствующей семьи. Часть этого дьявольского плана удалось осуществить.

К шести часам утра **9 января 1905 г.** рабочие столичных окраин стали собираться на сборных пунктах 11-ти отделов "Собрания". Сам Гапон утром 9 января отправился в юго-западную часть города, за Нарвскую заставу, где находилась одна из наиболее многочисленных групп рабочих, которые одновременно и с разных концов Петербурга собирались двигаться к Дворцовой площади. Не служа литургии (это в воскресный-то день), утром 9 января Гапон выводит людей на смерть.

Начало массового шествия рабочих Петербурга в той части города, где находился Гапон, он в своих воспоминаниях описывал следующим образом: "Я подумал, что хорошо было бы придать всей демонстрации религиозный характер, и немедленно послал нескольких рабочих в ближайшую церковь за хоругвями и образами, но там отказались дать нам их. Тогда я *послал 100 человек взять их силой*, и через несколько минут они принесли их. Затем я приказал принести из нашего отделения царский портрет, чтобы этим подчеркнуть миролюбивый и пристойный характер нашей процессии. Толпа выросла до громадных размеров... "Прямо идти к Нарвской заставе или окольными путями?" - спросили меня. "Прямо к заставе, *мужайтесь(?)*, или **смерть или свобода**," - крикнул я. В ответ раздалось громовое "ура". Процессия двигалась под мощное пение "Спаси, Господи, люди Твоя", причем когда доходило до слов "Императору нашему Николаю Александровичу", то представители социалистических партий неизменно заменяли их словами "спаси Георгия Аполлоновича", а другие повторяли "смерть или свобода". Процессия шла сплошной массой. Впереди меня шли мои два телохранителя...". Это явственно свидетельствует о том, что православно-монархическая атрибутика в этом шествии использовалась в качестве маскировки и сочеталась с весьма активным стремлением представителей революционных партий, участвовавших в нем, направить действия рабочих по пути их жесткого противостояния с представителями власти, даже несмотря на то, что среди рабочих присутствовали женщины и дети.

Общее число участников шествия к Дворцовой площади оценивается примерно в 300 тыс. человек. Отдельные колонны насчитывали несколько десятков тысяч. Эта огромная масса фатально двигалась к центру и, чем ближе подходила к нему, тем больше подвергалась агитации революционных провокаторов. Еще не было выстрелов, а какие-то люди распускали самые невероятные слухи о массовых расстрелах. Попытки полиции, не предназначавшейся, конечно же, для противодействия многочисленным толпам^{xi}, ввести шествие в рамки порядка получали отпор *специально организованных* групп.

Шествие от Нарвской заставы, как уже говорилось, возглавлялось самим Гапоном, который постоянно выкрикивал: "Если нам будет отказано, то у нас *нет больше Царя*". Колонна подошла к Обводному каналу, где путь ей преградили ряды солдат. Офицеры предлагали все сильнее напиравшей толпе остановиться, но она не подчинялась. Последовали первые залпы, холостые. Толпа готова была уже вернуться, но Гапон и его помощники шли вперед и увлекали за собой толпу. Раздались боевые выстрелы. При первых выстрелах последовавших по рабочим со стороны войск, наряду с рабочими были убиты или ранены полицейские, сопровождавшие гапоновское шествие. На Петроградской стороне, после того

как из толпы раздались провокационные выстрелы, войска также были вынуждены вслед за предупредительными залпами в воздух сделать залп по людям.

Примерно так же развивались события и в других местах - на Выборгской стороне, на Шлиссельбургском тракте. Там, с самого начала "шестивия" появились красные знамена, лозунги "Долой Самодержавие!", "Да здравствует революция!" На Васильевском острове еще до первых выстрелов толпа, возглавляемая большевиком Л.Д. Давыдовым, захватила оружейную мастерскую Шаффа. 200 человек разгромили управление 2-го участка Васильевской полицейской части. Толпа, возбужденная подготовленными боевиками, разбивала оружейные магазины, возводила баррикады. "В Кирпичном переулке, - докладывал Царю Начальник Департамента полиции Лопухин, - толпа напала на двух городских, один из них был избит". Кстати, наибольшее количество жертв с обеих сторон принесли не усмирение демонстрантов в первой половине дня, а перестрелки с погромщиками именно на Васильевском острове, когда боевики пытались удерживать арсеналы и местные оружейные магазины. Всё это ясно говорит о том, что всякие утверждения о "мирной" демонстрации – ложь (**седьмая**).

Лопухин, который, кстати говоря, симпатизировал социалистам, писал об этих событиях: "Наэлектризованные агитацией, толпы рабочих, не поддаваясь воздействию обычных общеполцейских мер и даже атакам кавалерии, упорно стремились к Зимнему дворцу, а затем, раздраженные сопротивлением, стали нападать на воинские части. Такое положение вещей привело к необходимости принятия чрезвычайных мер для водворения порядка, и воинским частям пришлось действовать против огромных скопищ рабочих огнестрельным оружием..."

Вечером 9 января Гапон пишет клеветническую подстрекательскую листовку: "9 января 12 часов ночи. Солдатам и офицерам, убивавшим своих невинных братьев, их жен и детей и всем угнетателям народа мое пастырское проклятие; солдатам, которые будут помогать народу добиваться свободы, мое благословение. Их солдатскую клятву изменнику Царю, приказавшему пролить неповинную кровь народную, разрешаю. Священник Георгий Гапон". Впоследствии в печатном органе эсеров "Революционная Россия" этот лжесвященник призывал: "Министров, градоначальников, губернаторов, исправников, городских, полицейских, стражников, жандармов и шпионов, генералов и офицеров, приказывающих в вас стрелять – *убивайте... Все меры, чтобы у вас были вовремя настоящее оружие и динамит – знайте, приняты...* На войну идти отказывайтесь... По указанию боевого комитета восставайте... Водопроводы, газопроводы, телефоны, телеграф, освещение, конки, трамваи, железные дороги уничтожайте...".

Чтобы подавить беспорядки в столице, учреждается должность Санкт-Петербургского генерал-губернатора (им стал Д.Ф. Трепов), которому предоставляются чрезвычайные полномочия. Трепов сумел найти правильную линию поведения. В довольно короткий срок он восстановил в Петербурге порядок - каждый день у Трепова были встречи то с фабрикантами, то с представителями рабочих или других слоев населения. Где надо он не боялся проявлять твердость, понимая, что разгул подрывных элементов и анархии будет стоить многократно больших жертв. Его знаменитый приказ войскам "патронов не жалеть", несмотря на его внешнюю кровожадность, на самом деле остановил кровопролитие. Толпы, поджигаемые подрывными элементами, побоялись войск после этого энергичного приказа, и ни одного выстрела за этот день дано не было. Дальнейшие уличные столкновения удалось прекратить практически в течение одного дня. 11 января войска были возвращены в казармы, и порядок на улицах города вновь стала контролировать полиция, усиленная казачьими патрулями. Уже 14 января забастовка в Петербурге пошла на убыль. 17 января возобновил работу Путиловский завод. 29 января была создана "Комиссия для выяснения причин недовольства рабочих в Санкт-Петербурге и его пригородах и изыскания мер к устранению таковых в будущем", добившийся со временем полного умиротворения рабочих столицы. Так завершился первый акт заранее спланированной кровавой анти-русской смуты, названной впоследствии "русской революцией".

В сравнении с пышущей сатанистской злобой Гапона замечательна реакция на происшедшее Императора Николая Второго. Трагический смысл катастрофы 9 января был осознан им уже вечером этого дня. Нарочито избегавший в своем дневнике пространных и эмоциональных оценок происходивших в его жизни событий, 9 января 1905 г. Государь сделал следующую дневниковую запись: "Тяжелый день! В Петербурге произошли серьезные беспорядки вследствие желания рабочих дойти до Зимнего Дворца. Войска должны были стрелять в разных местах города, было много убитых и раненых. Господи, как больно и тяжело!". 19 января, обращаясь к рабочей депутации, Царь, выделивший из собственных средств на помощь пострадавшим 50 000 рублей (в среднем полугодовой заработок на каждого погибшего), дал правильную оценку событиям "кровавого воскресенья": "Прискорбные события, с печальными, но неизбежными последствиями смуты, произошли оттого, что вы дали себя вовлечь в заблуждение и обман изменниками и врагами нашей страны. Приглашая вас идти подавать Мне прошение о нуждах ваших, они поднимали вас на бунт против Меня и Моего правительства, насильно отрывая вас от честного труда в такое время, когда все истинно русские люди должны дружно и, не покладая рук, работать на одоление нашего упорного внешнего врага".

Веря в здравомыслие и преданность Русского народа, Царь обратился к нему с манифестом, в котором призывал "благомыслящих людей помочь правительству в искоренении крамолы и укреплении Самодержавия". Святой Царь-Мученик с открытым сердцем шел навстречу народу, понимая, что для противодействия враждебным России силам, необходимо объединение всех честных русских людей. Подрыв же самодержавного, православно-монархического принципа Царь справедливо рассматривал как разрушение России, вина за которое и связанную с ним кровь полностью лежит на тех, кто в чаянии мирового пожара разжег на нашей Родине адский пламень богоборчества.

ⁱ Мы как-то традиционно недооцениваем нашего дальневосточного соседа и порой изумляемся, узнав, например, что население современной Японии превышает население Российской Федерации.

ⁱⁱ Именно на полученные от Акаши деньги Ленин 1 января 1905 года (ст.ст.) выпускает первый номер большевистской газеты "Вперед".

ⁱⁱⁱ Впоследствии, уже после 9 января, финансирование японцами революционеров продолжалось. Так, только весной 1905 года японская разведка передала революционерам средства на покупку 14 тысяч винтовок общей стоимостью 382 тыс. франков. Кроме того, из японских денег 200 тыс. франков для контрабандной доставки оружия в Россию получили эсеры (на приобретение судна "Каликста Гарция" и оплату экипажа). На организацию восстания на Черноморском флоте, дабы предотвратить его передислокацию на Дальний Восток, Япония выделила еще 40 тыс. иен.

^{iv} Личность этого человека характеризуют, например, следующие факты: еще во время обучения в семинарии он позволял себе грубость и даже шантаж в отношении преподавателей, в результате чего в 1893 году он получил диплом второй степени и "неуд" по поведению, что создавало ему препятствия для получения сана; он утверждал, что Христос для него, как и для его учителя Л. Толстого, лишь величайший человек, праведник, литургию же он служит только как воспоминание и повод для произнесения проповеди; летом 1902 года он совращает несовершеннолетнюю воспитанницу приюта Синего креста Александру Уздалеву (еще до этого он любил бывать в покоях воспитанниц, писал нескромные стихи в их альбомы, грешил против целомудрия); после открытия этого обстоятельства продолжает жить с Уздалевой, объявив ее своей гражданской женой, из-за чего по 25-му апостольскому правилу Гапон не должен был продолжать священнослужение.

^v Революционеры смотрели на Гапона более реалистично. Эсер П. Рутенберг уже давно и независимо от "штабных" приставленный своей партией к Гапону, откровенно говорит в эти дни: "Гапон - это пешка и весь вопрос, кто эту пешку двигает". И "двинуть" решают против царя и его правительства.

^{vi} работавший, кстати, **начальником** мастерской Путиловского завода.

^{vii} Эсеровские боевики готовили еще одно покушение на Царя, которое должно было совершиться на балу. Террористка Татьяна Леонтьева сумела вкрасься в доверие организаторов одного из светских балов и

получила предложение заниматься благотворительной продажей цветов. Она и предложила лично совершить цареубийство. Однако бал был отменен.

^{viii} Какая же революция без штурма своей "Бастилии"?

^{ix} Неправда ли, знакомо? Вот у кого, оказывается, учился "вождь пролетарской революции".

^x Была парализована работа значительной части *оборонных предприятий*, что с радостью отмечалось японской разведкой. Сколачивается стачечный комитет, создается большой денежный фонд помощи бастующим (большой частью - из тех же иностранных денежных средств; рабочие, конечно, об этом не знали), из которого им платили пособия не меньше заработной платы. Все нити забастовок тянулись к организации, которую формально возглавлял Гапон, фактически она находилась в руках опытных "революционеров", подобных Рутенбергу.

^{xi} В Российской Империи, в отличие от совдепии и или РФ, никогда не существовало полицейских не то что дивизий, но и полков. Поэтому для воспрепятствования продвижению колонн демонстрантов в центральную часть города, где располагались правительственные учреждения, власти вынуждены были использовать войска, необученные, естественно, подобным действиям.